

ЧАСТЬ I

I. ГОРОДОК

Put thousands together — less bad,
But the cage less gay.

Hobbes¹

Городок Верьер, пожалуй, можно назвать одним из самых прелестных во всем Франш-Конте. Его белые домики с островерхими красными черепичными крышами раскиданы по склону холма, каждый изгиб которого украшен купой могучих каштанов. От укреплений, некогда воздвигнутых испанцами, остались одни развалины, а под ними, в нескольких сотнях шагов, протекает Ду.

С севера Верьер защищает высокая гора — один из отрогов Юры. Как только в октябре захладевает, гребни Вера покрываются снегом. Низвергающийся с горы поток до впадения в Ду пересекает Верьер и приводит в движение множество лесопилен; эта очень несложная промышленность дает более или менее приличный доход большинству жителей — скорей крестьян, чем горожан. Но разбогател городок все-таки не на лесопильнях. Производство набивных тканей, так называемых мюлузских, — вот что способствовало общему благосостоянию жителей и дало им возможность после падения Наполеона обновить фасады едва ли не всех верьерских домов.

Как только вы войдете в город, ваш слух будет поражен буханьем грохочущей и пугающей всем своим видом машины. Двадцать тяжелых молотов падают с грохотом, от которого дрожит мостовая, и поднимаются с помощью колеса, а этому колесу сообщает двигательную силу гор-

¹ Соберите вместе много народу — как будто бы тут ничего плохого нет, но в клетке им будет невесело. *Гоббс (англ.)*.

ный поток. Каждый такой молот ежедневно изготавливает сколько-то тысяч гвоздей. Хорошенькие цветущие девушки подставляют под удары громадных молотов кусочки железа, и кусочки сейчас же превращаются в гвозди. Это производство, такое страшное с виду, особенно изумляет путешественника, впервые оказавшегося в горах, отделяющих Францию от Гельвеции. Если же он спросит в Верьере, кому принадлежит гвоздильная фабрика — это диво дивное, что оглушает прохожих на главной улице, ему ответят, растягивая слова: «А-а, это господина мэра».

В случае же, если путешественник хоть на несколько минут остановится на главной улице, которая тянется от берега Ду до вершины холма, то он может быть почти уверен, что ему встретится высокий мужчина с озабоченным и важным видом.

При его появлении все шляпы мгновенно приподнимаются. Волосы у него с проседью, одет он во все серое. Он кавалер нескольких орденов, у него высокий лоб, орлиный нос, черты лица скорее правильные; с первого взгляда может даже показаться, что он сочетает в себе достоинство мэра провинциального города и обаяние, которое еще иногда сохраняется у мужчин лет сорока восьми — пятидесяти. Но вскоре парижского путешественника лицо мэра неприятно удивит выражением некоторого самодовольства и кичливости, чем-то ограниченным, туповатым. Чувствуется, что этот человек способен только на то, чтобы добиваться от своих должников строжайшей аккуратности, а самому не платить по возможности дольше.

Таков мэр Верьера, г-н де Реналь. Величественной поступью перейдя улицу, он входит в мэрию и скрывается из глаз путешественника. Если путешественнику захочется погулять еще, то, пройдя шагов сто, он увидит довольно красивый дом, а за окружающей дом чугунной решеткой — великолепный сад. За садом, на горизонте, обозначаются бургундские холмы, как будто бы они тянутся здесь нарочно, чтобы радовать взор. Залюбовавшись видом, путешественник забывает атмосферу, зараженную мелкими денежными расчетами, — атмосферу, в которой он начал уже задыхаться.

Ему поясняют, что это дом г-на де Реналья. Мэр Верьера построил красивый дом из тесаного камня на доходы из большой гвоздильной фабрики, и теперь он его достраивает. Говорят, будто он ведет свое происхождение от древнего испанского рода, который якобы обосновался в этих краях задолго до того, как их завоевал Людовик XIV.

С 1815 года де Реналь начал стыдиться того, что он — промышленник; 1815 год сделал его мэром Верьера. Дивный сад, укрепленными каменной кладкой уступами спускающийся к самому Ду, — это тоже награда де Реналю за его познания в торговле железным товаром.

Не надейтесь, что во Франции вы увидите живописные сады, какие окружают промышленные города в Германии: Лейпциг, Франкфурт, Нюрнберг и прочие. Во Франш-Конте чем больше настроено стен, чем больше нагромождено один на другом камней, тем больше у домовладельца прав на уважение соседей.

Сад де Реналья, где всюду упираешься в стены, еще потому внушает уважение, что небольшие участки земли, на которых де Реналь насадил его, он скупал за бешеные деньги. Например, необычно расположенная на берегу реки лесопилка, которая остановила ваш взгляд при въезде в Верьер и привлекла ваше внимание именем «Сорель», выведенным огромными буквами на доске над крышей, шесть лет назад находилась на том месте, где в настоящее время де Реналь возводит стену четвертого уступа своего сада.

Как ни чванлив г-н мэр, а все-таки ему долго пришлось улаживать старика Сореля, несговорчивого, упрямого мужика; пришлось-таки отсыпать немало новеньких золотых, чтобы тот перенес производство на другое место. А благодаря своим связям в Париже де Реналь добился того, что для *общественного ручья*, при помощи которого двигалась пила, прорыли другое русло. Это особое одолжение было сделано ему после выборов 182... года.

Если пройти пятьсот шагов вниз по течению Ду, то именно там и находятся четыре арпана, которые де Реналь выменял у Сореля на один. И хотя это новое местоположение гораздо выгоднее для выработки еловых досок, папаша Сорель — так стали его называть после того, как

он разбогател, — ухитрился, сыграв на нетерпеливости своего соседа и воспользовавшись его помешательством на приобретениях, вытянуть у него шесть тысяч франков.

В городке умные головы не одобряли этой сделки. Как-то раз, четыре года назад, в воскресенье, де Реналь шел в костюме мэра из церкви и увидел издали старика Сореля и трех его сыновей — они смотрели на него и усмехались. Эта усмешка пролила роковой свет в душу мэра, и с тех пор его преследует мысль, что он мог бы совершить более выгодный для него обмен.

Чтобы заслужить в Верьере уважение, необходимо, возводя стену за стеной, отвергнуть проекты итальянских каменщиков, которые весной бредут по ущельям Юры в Париж. За такого рода новшества неосторожный строитель получит кличку *дурной головы* и навсегда уронит себя в глазах людей благоразумных и умеренных, создающих общественное мнение во Франш-Конте.

По правде сказать, благоразумные люди проявляют несносный *деспотизм*; именно из-за этого противного слова и становится невыносимой жизнь в маленьких городках для того, кто раньше жил в великой республике, именуемой Парижем. Тирания общественного мнения — да еще мнения каких людей! — так же *глупа* в маленьких городках Франции, как и в Соединенных Штатах Америки.

II. Мэр

Вес в обществе! По-вашему, милостивый государь, это пустышки? А уважение дураков, изумление детворы, зависть богачей, презрение мудреца?

Барнав

Репутацию де Реналья-градостроителя упрочило то обстоятельство, что городской сад на склоне холма, на высоте ста футов над Ду, понадобилось укрепить громадной *подпорной стеной*. Место для городского сада выбрано необыкновенно удачно: отсюда открывается один из самых красивых видов во всей Франции. Но каждую весну городской сад размывало дождями, всюду образовывались кол-

добины, и никто там не гулял. Все на это роптали, и де Реналь был поставлен в счастливую для него необходимость обессмертить свое правление постройкой стены в двадцать футов вышиной и от тридцати до сорока туаз длиной.

Парапет этой стены, из-за которой де Реналь пришлось три раза ездить в Париж, потому что предпоследний министр внутренних дел оказался смертельным врагом верьерского городского сада, в настоящее время возвышается над землей на четыре фута. И, словно бросая вызов всем министрам, бывшим и теперешним, его облицовывают гранитом.

Сколько раз, оперевшись грудью на громадные каменные плиты красивого изголуба-серого цвета, я вспоминал балы недавно покинутого мной Парижа, а в это время мой взгляд блуждал по долине Ду! Вдали, на левом берегу, извиваются ложбины, в глубине которых взор явственно различает ручейки. Образуя на своем пути водопады, они наконец вливаются в Ду. В горах жарко; когда солнечные лучи бьют отвесно, погруженного в мечты путешественника здесь защищают от них чудные платаны. Растут они быстро, их покрывает густая, отливающая синевой зеленая листва, и все это благодаря наносной земле, которую мэр распорядился насыпать вдоль громадной подпорной стены, а такая стена понадобилась потому, что, сломив сопротивление муниципалитета, мэр расширил городской сад более чем на шесть футов, и я его за это хвалю, хотя он и ультрароялист, а я либерал, и теперь, по его мнению, а равно и по мнению Вально, удачливого директора верьерского дома призрения, эта часть сада может выдержать сравнение с садом в Сен-Жермен-ан-Лэ.

Я только в одном могу упрекнуть Аллею Верности — это официальное название можно прочесть местах в пятнадцати, а то и в двадцати на мраморных досках, за которые де Реналь наградили еще одним крестом; мне не нравится в Аллее Верности то, что по распоряжению властей здесь варварски подстригают и обкарнивают могучие каштаны. Их низенькие, круглые, приплюснутые кроны не отличишь от самых обыкновенных овощей, а между тем что стоило придать им красивые формы, как в Англии? Но у мэра воля железная, и два раза в год все деревья, при-

надлежащие общине, подвергаются беспощадной ампутации. Местные либералы утверждают — хотя, конечно, они не совсем правы, — что рука городского садовника стала гораздо более жестокой с тех пор, как у викария Малона вошло в привычку забирать плоды стрижки себе.

Этот молодой священнослужитель несколько лет назад был прислан из Безансона, чтобы надзирать за аббатом Шеланом и за духовенством из окрестных селений. Старый полковой лекарь, участник итальянской кампании, живший на покое в Верьере и, по словам мэра, представлявший собой смесь якобинца с бонапартистом, как-то раз осмелился выразить мэру свое неудовольствие по поводу систематического уродования прекрасных деревьев.

— Я люблю тень, — ответил де Реналь с таким призывом высокомерия в голосе, какое можно себе позволить, когда говоришь всего лишь с полковым лекарем, кавалером ордена Почетного легиона, — я люблю тень, я велю подстригать *мои* деревья, чтобы они давали тень. Да и для чего же еще нужны деревья, если они, как, например, полезное ореховое дерево, не способны *приносить доход*?

Вот они, великие слова, которые в Верьере решают всё: *приносить доход*. Три четверти населения только об этом и помышляют.

Приносить доход — этим соображением руководствуется весь городок, который так очаровал вас. Оказавшемуся здесь чужеземцу, плененному красотой окружающих городок бескрайних прохладных долин, поначалу кажется, что его жители — поклонники всего прекрасного; они постоянно разглагольствуют о красоте своего края; они и в самом деле высоко ценят ее, но ценят потому, что она привлекает иностранцев, деньги иностранцев обогащают хозяев гостиниц, а это обстоятельство, в силу закона о местных налогах, *приносит доход городу*.

Однажды в ясный осенний день де Реналь гулял под руку со своей супругой по Аллее Верности. Слушая, о чем с глубокомысленным видом толкует муж, г-жа де Реналь зорко следила за тремя мальчуганами. Старший, на вид — лет одиннадцати, подбегал к парапету — его так и тянуло взобраться на него. Ласковый голос говорил всякий раз:

«Адольф!» — и мальчик отказывался от своего смелого замысла. Г-же де Реналь можно было дать лет тридцать, но она была еще очень хороша собой.

— Как бы эта важная птица из Парижа потом не раскалялась, — говорил де Реналь с видом человека оскорбленного, и его бледные щеки были теперь бледнее обычного. — У меня и при дворе есть друзья...

Я собираюсь рассказывать вам о провинции на двухстах страницах, но я не настолько жесток, чтобы докучать вам длиннотами и замысловатыми обвиняками диалога провинциалов.

«Важной птицей из Парижа», ненавистной верьерскому мэру, де Реналь называл г-на Апера, два дня назад ухитрившегося проникнуть не только в верьерскую тюрьму и в дом призрения, но и в больницу, которую содержат на свои средства мэр и наиболее состоятельные жители города.

— А что может вам сделать этот парижанин, если вы распоряжаетесь имуществом бедных честнейшим и добросовестнейшим образом? — робко спросила г-жа де Реналь.

— Он только затем сюда и приехал, чтобы *облить нас помоями*, а потом начнет тискать статейки в либеральные газеты.

— Да вы же их не читаете, мой друг.

— Нам передают содержание якобинских статеек; все это отвлекает нас и *мешает делать добро*. Нет, я никогда не прощу этого священнику.

III. ИМУЩЕСТВО БЕДНЫХ

Хороший священник, ни под кого не подкапывающийся, — это ангел-хранитель для селения.

Флери

Надобно вам знать, что верьерский священник, восьмидесятилетний старик, сохранивший благодаря живительному горному воздуху несокрушимое здоровье и крутой нрав, имел право в любое время посещать тюрьму, больницу и даже дом призрения. Апер, запасшийся в Па-

риже рекомендательным письмом к священнику, благо-разумно прибыл в этот любознательный городок в шесть часов утра и, не теряя времени, отправился прямо к нему на дом.

Прочитав письмо от маркиза де Ла Моля, пэра Франции и самого богатого землевладельца во всей этой провинции, Шелан погрузился в раздумье.

— Я — старик, меня здесь любят. Они не посмеют! — обращаясь к самому себе, сказал он наконец вполголоса и, обернувшись к парижанину, поднял на него глаза, в которых, несмотря на преклонный возраст, горел священный огонь, говоривший о том, что Шелан предвкушает удовольствие совершить благородный, хотя отчасти рискованный поступок.

— Пойдемте, но только я вас попрошу при тюремщике, а главным образом — при надзирателях дома призрения не высказывать никаких суждений о том, что мы увидим.

Апер понял, что имеет дело с человеком неробким. Он пошел вместе с почтенным священнослужителем и посетил тюрьму, больницу, дом призрения, задавал много вопросов и, хотя ответы получал невразумительные, не сделал ни одного замечания.

Осмотр продолжался несколько часов. Священник позвал Апера обедать, но Апер отговорился тем, что ему надо писать письма разным лицам — он боялся еще больше скомпрометировать своего великодушного спутника. Часов около трех они отправились заканчивать осмотр дома призрения, оттуда еще раз зашли в тюрьму. В дверях их встретил тюремщик, кривоногий великан под потолок ростом; у него и так-то была мерзкая рожа, от страха она стала еще отвратительнее.

— Ваше преподобие! — сказал он священнику. — С вами не господин Апер?

— Ну так что же? — спросил священник.

— А вчера я получил строжайший приказ — господин префект прислал его с жандармом, тот всю ночь скакал, — не пускать господина Апера в тюрьму.

— На это я вам отвечу, господин Нуару, что вот этот приезжий действительно господин Апер. Вам известно,

что я имею право входить в тюрьму в любое время дня и ночи и приводить с собой кого угодно?

— Известно, ваше преподобие, — ответил тюремщик, понизив голос и опустив голову, как бульдог, которого заставляют слушать, показывая ему хлыст. — Но у меня жена и дети, и если на меня донесут, то я лишусь места, а живу я только на жалованье.

— Мне бы тоже было жаль лишиться моего прихода, — разволновавшись, молвил добрый священник.

— Уж и сравнили, ваше преподобие! — живо возразил тюремщик. — Все знают, что у вас восемьсот ливров ренты, которые вам дает изрядное владение под солнышком...

Вокруг этих происшествий, многократно обсуждавшихся, толковавшихся вкривь и вкось, в городишке Верьере два дня бушевали страсти. Сейчас они послужили поводом для пререканий между де Реналем и его женой. Утром де Реналь вместе с директором дома призрения Вально явился к священнику и объявил, что он им очень недоволен. У Шелана покровителей не было; он понял, чем грозит ему этот разговор.

— Ну что ж, господа, в летописи нашего прихода это будет уже третий случай, когда увольняют восьмидесятилетнего священника. Я здесь пятьдесят шесть лет; я крестил почти всех жителей этого города, а когда я сюда приехал, это был не городок, а всего-навсего поселок. Я постоянно венчаю молодых людей, когда-то венчал их дедушек и бабушек. Верьер — это моя семья, но из боязни расстаться с ней я никогда не вступлю в сделку с совестью и против совести не пойду. Когда я увидел приезжего, я подумал: «Этот парижанин, может быть, и правда либерал, теперь их везде полно; но что плохого может он сделать нашим беднякам и нашим узникам?»

Тон де Реналья и в особенности директора дома призрения Вально становился все резче.

— Ну что ж, господа, увольняйте меня! — дрожащим голосом проговорил старый священник. — Я все равно отсюда не уеду. Всем известно, что сорок восемь лет тому назад я получил в наследство земельный участок, который дает мне восемьсот ливров; на это я и буду жить. У меня

ведь никаких побочных доходов нет, господа, вот почему, вероятно, я не боюсь увольнения.

Де Реналь жил со своей женой в мире и согласии; но тут, не зная, что ей ответить, когда она снова робко заговорила: «А что же дурного может сделать этот парижанин узникам?», он чуть было не вскипел, если бы жена в эту минуту не вскрикнула. Второй ее сын влез на парапет и побежал, хотя стена возвышалась над виноградником по ту ее сторону на двадцать футов. Г-жа де Реналь из боязни, что сынишка испугается ее окрика и упадет, молчала. Наконец, в восторге от своей храбрости, сын оглянулся на мать и, увидев, что она побледнела, соскочил с парапета и подбежал к ней. Ему закатили основательную проборку.

Это незначительное происшествие заставило супругов переменить разговор.

— Я непременно найму Сореля, сына лесопильщика, — объявил де Реналь. — Он будет присматривать за детьми, а то последнее время они распустились. Он молодой причетник или что-то в этом роде, отлично знает латынь, дети у него будут учиться хорошо; священник говорит, что характер у него твердый. Он будет получать триста франков, стол — отдельно. У меня являлись некоторые сомнения насчет его образа мыслей: ведь он был любимчиком старикашки лекаря, кавалера ордена Почетного легиона; под предлогом, что он — родня Сорелей, лекарь переехал сюда и жил у них на хлебах. А ведь, в сущности говоря, он вполне мог быть тайным агентом либералов; он говорил, что он астматик и что горный воздух ему полезен, но это не доказано. Он участвовал во всех итальянских кампаниях *Буонапарте* и даже, по слухам, при голосовании за империю написал «нет». Этот либерал обучал латыни сына Сореля и подарил ему много книг. Разумеется, мне бы никогда в голову не пришло взять к нашим детям сына плотника; но как раз незадолго до разговора со священником, после которого я с ним рассорился, он говорил мне, что сын Сореля уже три года изучает богословие и собирается поступить в семинарию; стало быть, он не либерал и знает латынь.

Тут еще есть одно соображение, — с таинственным видом глядя на жену, продолжал де Реналь. — Вально хвастается тем, что приобрел для своего выезда двух отличных нормандок. А вот гувернера у его детей нет.

— Как бы только его у нас не перехватили!

— Так ты меня поддерживаешь? — спросил де Реналь, благодаря улыбкой жену за ее очень верную мысль. — Ну, стало быть, решено.

— Ах, боже мой! Какой ты скорый, мой милый друг!

— Просто у меня есть характер — священник в этом убедился. Не будем закрывать глаза — мы здесь окружены либералами. Все эти полотнянщики мне завидуют, я уверен; двое-трое из них уже набили мошну; так вот, пусть-ка они поглядят, как дети господина де Реналья идут на прогулку под присмотром *гувернера*. Это должно произвести на них впечатление. Мой дед часто рассказывал нам о своем гувернере. Стоить мне это будет приблизительно сто экю, но на это нужно смотреть как на расход необходимый, — чтобы при том почетном положении, какое мы занимаем, не ударить лицом в грязь.

Выслушав внезапное решение мужа, г-жа де Реналь погрузилась в глубокое раздумье. Эту высокую, статную женщину называли, как любят здесь выражаться, «красой и дивом нашего края». В ее облике было что-то простодушное, в ее манере держаться — что-то совсем юное; парижанину, пожалуй, почудилось бы, что в тайниках этой наивной грации, чистой и живой, кроется сладострастие. Однако, если бы г-же де Реналь стало известно, почему она нравится мужчинам, она была бы очень смущена. Она не умела ни кокетничать, ни притворяться. Одно время говорили, что за ней ухаживает директор дома призрения, богач Вально, однако успеха он не имел, и после этого ее нравственность поднялась в глазах жителей городка чрезвычайно высоко, так как Вально, рослый, румяный молодой человек крепкого телосложения, с густыми черными бакенбардами, принадлежал к числу дерзких и шумных мужланов, которых в провинции называют «красавец-мужчина».

Госпожу де Реналь, очень застенчивую, по-видимому, с неровным характером, должны были особенно раздра-